

Терпигорев Сергей Николаевич

Узорочная пестрядь

Рассказы и пьесы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Николаевич Т.**
Узорочная пестрядь: Рассказы и пьесы / Терпигорев Сергей Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 371 с.

ISBN 978-5-519-76562-6

ISBN 978-5-519-76562-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Первыя впечатлѣнія.—Козловъ.

Послѣ грязныхъ, длинныхъ николаевскихъ вагоновъ, маленькіе, чистенькіе вагоны московско-рязанской дороги показались мнѣ такими славными, свѣтлыми, уютными.

— Курить здѣсь можно? спросилъ я кондуктора, пришедшаго чуть ли не въ десятый разъ повѣрять билеты.

— Отчего же, можно.

— А газету какую-нибудь у васъ можно купить?

— И это можно: ихъ сейчасъ будутъ разносить.

Я закурилъ сигару и принялся за обычныя занятія пассажира—наблюденія и разсматриванія своихъ сосѣдей и визави. Сосѣда на этотъ разъ у меня не было и его мѣсто занималъ мой сакъ. Визави сидѣли двое: прямо противъ меня, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, съ маленькими изящными усиками и бородкой, съ умными, нѣсколько утомленными сѣрыми глазами, вообще обладатель очень счастливой наружности. Одѣтъ онъ былъ для дороги черезчуръ ужъ свѣжо и изыскано. Еслибъ не изящная дорожная сумочка поверхъ свѣтлаго сѣраго драповаго пальто и не форменная фуражка, вмѣсто шляпы, можно бы было пожалуй подумать, что онъ собирался съ визитомъ въ какой-нибудь самый щепетильный домъ; даже перчатки, совершенно новенькія, онъ

надѣлъ при мнѣ, въ вагонѣ, взявъ нѣсколько поношенныхъ, которыя онъ тутъ же выбросилъ въ окно. Рядомъ съ нимъ сидѣла дама въ бѣломъ кашемировомъ башлыкѣ съ серебрянымъ шитьемъ и кисточками; на видъ ей было тоже лѣтъ двадцать-пять, съ энергическимъ, нѣсколько насмѣшливымъ, даже злымъ выраженіемъ въ глубокихъ темно-синихъ глазахъ, въ бровяхъ, почти сросшихся, и въ маленькой складочкѣ между ними. Это была въ полномъ смыслѣ красавица, роскошная, энергическая и въ то же время хорошо знающая цѣну своей красотѣ. Одѣта она была просто, но тоже свѣжо и со вкусомъ. Съ ловкостью и уютностью, свойственной только женщинамъ, она усѣлась въ своемъ уголкѣ, и, слегка закусивъ нижнюю губу, какъ будто что-то припоминала или рассчитывала. У противоположнаго окна, вытянувъ ноги и скрестивши на груди руки, въ сѣромъ пальто на красной подкладкѣ, дремалъ старикъ-генералъ, лѣтъ семидесяти, съ совершенно бѣлыми баками и усами.

Больше никого не было въ вагонѣ.

Минуть черезъ двадцать по уходѣ кондуктора, къ намъ вошелъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати, съ сумочкой, туго набитой газетами, книжками, и остановился передъ генераломъ.

— Газетъ не уютно ли?

Генералъ на минуту широко открылъ глаза, проговорилъ: а что?.. нѣтъ, не нужно! и опять задремалъ.

Мальчикъ подошелъ къ намъ.

— Какія у васъ газеты?

— А вотъ извольте сами выбирать.

Но выбрать оказалось нечего. №№ всѣ были старые, вышедшіе уже дней пять.

— Да это все старья, сказалъ я.

— Помилуйте, гдѣ же старья? Они всѣ запечатаны, мы старыхъ не беремъ.

— Да вышли-то они давно, я еще ихъ Петербургѣ читалъ.

— Позднѣе нѣтъ-съ. Надо эти прежде продать, тогда опять изъ Москвы получимъ. Вотъ изъ книжекъ не угодно ли? „Необходимое наставленіе въ супружеской жизни“, „Грамматика любви“, „Мужчина и женщина“, „Физиологія брака“, пересчитывалъ блѣдный мальчикъ.

— Нѣтъ, и этого не нужно.

— Карточки стереоскопныя... робко проговорилъ онъ, поведя на насъ глазами.

— Что такое? Какія карточки? вмѣшалась красавица.

— Стереоскопныя-съ.

— Позвольте, и она протянула немного руку.

„Она навѣрно не знаетъ, что это за карточки, ее надо предупредить“, подумалъ я.

— Не смотрите, это дрянъ, это нехорошія, брякнулъ я.

Она удивленно-насмѣшливо посмотрѣла на меня: дескать, и безъ тебя, другъ, знаю; что ты въ опекуны-то лѣзешь?

Мальчикъ, немного было - оторопѣвшій отъ моихъ словъ и уже собиравшійся уйти, жалобно взглянулъ на меня, на моего визави и вытащилъ толстую пачку карточекъ, завернутую въ пол-листа бѣлой писчей бумаги.

— Я ихъ всѣ пересмотрю... Это долго. Вы или сядьте, или уйдите. Онѣ будутъ цѣлы, до Козлова ѣду, не убѣгу.

Мальчикъ еще разъ обвелъ насъ своимъ умоляющимъ взглядомъ, пробормоталъ: „по 50 к. с. за штуку“, неловко торопливо наклонился и выпшелъ. Дама принялась разсматривать карточки, а я ее.

„Кто бы это могъ быть?..“ думалъ я: „такое свѣжее лицо... такія манеры... Что это за явленіе?“ И вдругъ мнѣ припомнилось, что я ее гдѣ-то видалъ и часто видалъ, даже знакомъ съ нею. „Но гдѣ, когда? Вѣрно

только, что въ Петербургѣ“. Мой визави попросилъ у меня огня, закурилъ папироску, удивленно переглянулся со мною и тоже сталъ ее разсматривать. Она молча перебирала карточки, откладывая однѣ направо, другія налѣво. Ни одинъ мускулъ не шевелился въ ея лицѣ, только иногда, и то чуть-чуть, верхняя губа слегка приподнималась и все лицо, спокойно-серьезное, принимало на нѣсколько секундъ злое и презрительно-досадное выраженіе... „Гдѣ это я ее видѣлъ? А видѣлъ. Это вѣрно“. Сперва мнѣ показалось, что я видѣлъ ее одинъ разъ на подъѣздѣ послѣ маскарада, но нѣтъ, это не та, у той не русское было лицо, а похожа, очень похожа. Гдѣ же, когда?—чуть ли не въ сотый разъ спрашивалъ я себя и все-таки даже на умѣ, что называется, не вертѣлось отвѣта.

Наконецъ, карточки были всѣ пересмотрѣны и лежали у нея на колѣнахъ въ двухъ пачкахъ. Съ секунду она подумала о чемъ-то, потомъ смѣшала ихъ и начала считать. „Сорокъ-семь“. Она немного подняла голову и сжала глаза. „По пятидесяти коп. Четырежды пять—двадцать, да пятью семь... Пятью семь сколько?“ Глаза наши встрѣтились. „Сколько же?“ повторила она.

— Тридцать-пять.

— Это значитъ, за 47 карточекъ 23 р. 50 к. Такъ?

— Такъ. Стало быть, вы еще и купить ихъ хотите?

— „Еще и“, вырвала она изъ моей фразы. — Да, куплю, дрянъ только страшная — все какія-то жалкія, истасканныя рожи, ни у одной нѣтъ порядочныхъ формъ—точно манекены: ни жизни, ни позы, ни движенія... Впрочемъ, для Тамбова и эти будутъ хороши...

„Формы, манекены, движенія“—и я сразу вспомнилъ, гдѣ я ее видѣлъ.

— Что вы такъ на меня смотрите?

— Припоминаю, гдѣ я васъ видѣлъ.

— У I—ва. Я васъ сразу, какъ вы вошли въ вагонъ, узнала. Въ прошломъ году мы съ вами раза три у него встрѣчались, я къ нему „на натуру“ ходила.

— Да, я тоже теперь вспомнилъ.

— Вѣдь вы, кажется, съ нимъ большіе друзья были? Онъ мнѣ часто объ васъ говорилъ.

— Онъ славный былъ малый.

— Да, чудакъ только: все идеальныхъ людей добивался. Съ минуту мы ѣхали молча.

— Вы въ Тамбовъ или дальше? спросила она.

— Да, въ Тамбовъ, т.-е. вообще въ Тамбовскую губернію.

— Къ роднымъ?

— Да.

— Вы хорошо знаете Тамбовъ?

— Знаю немножко. А что?

— Такъ... И я туда же ѣду.

— Также къ роднымъ?

— Къ роднымъ. Она улыбнулась.

— Въ деревню?

— Куда придется.

— Какъ же это такъ?

— Да такъ же, какъ и все на свѣтѣ...

— Что-жь, вы хотите въ гувернантки развѣ къ кому?

— Не знаю; можетъ, буду дебютировать и въ роли гувернантки...

— То-то вы и запасаетесь учебными пособиями, стряхивая упавшій на рукавъ пепелъ и нѣсколько оживляясь, процѣдилъ вялый блондинъ.

— Какими пособиями? просто спросила натурщица, очевидно, не догадываясь.

— А вотъ карточками-то.

— А! Да, это хорошо сказано. Учебныя пособия... повторила она. Блондинъ молчалъ.

- Вы также въ Тамбовѣ? начала она.
- Да-съ.
- Вы тамъ служите?
- Буду служить.
- А прежде гдѣ служили?
- Въ Петербургѣ.
- Первый разъ ѣдете въ Тамбовѣ?
- Нѣтъ, это моя родина, я тамъ каждый годъ бываю.
- Ну, значить, Тамбовъ хорошо знаете?
- Хорошо знаю.
- Значить, вы всю подноготную знаете, всю скандальную тамошнюю жизнь знаете, все знаете? разспрашивала она.
- Все знаю.
- Стало быть, и Д. знаете (она назвала нашего помпадур), и его содержанку знаете?
- Знаю.
- Что это за господинъ?
- Зачѣмъ это вамъ?
- Такъ, надо. Я къ нему, т. е. къ его содержанкѣ ѣду. Скажите же, что это за господинъ? старикъ? очень старъ?
- Да, ужъ старъ.
- Я ему орденъ везу. Лиза просила купить. Старый потерялъ, а новаго въ Тамбовѣ негдѣ купить. Глушь, говорить, страшная.
- Глуховато...
- Ну, теперь вотъ что скажите: правда, она пишетъ, что въ Тамбовѣ пропасть молодежи богатой изъ тамошнихъ помѣщиковъ? Отцы, говорить, померли съ перепугу отъ крестьянской реформы, а они-то, на волюѣ, и вутятъ. Какой-то князекъ, пишетъ, ужъ особенно старается. Правда?
- Н-да. Правда.

— Кутать? А инженеры? Тамъ дороги теперь желѣзные строить. У нихъ, пишетъ, шальной деньги тоже не мало водится.

— Жалованье огромное. Подрядчики. Денегъ много.

— Ну, спасибо вамъ за это... Вы холостой?

— Да.

— А вы?

Я сказалъ то же.

— Будете въ Тамбовѣ—ко мнѣ, господа. Не побрезгуйте когда чаю напиться, поболтаемъ. Лиза пишетъ, глушь страшная, дурь непроходимая.

Блондинъ сказалъ, что непременно будетъ ѣздить.

— А вы?

— Если буду въ Тамбовѣ, зайду и я. Ваши дебюты во всякомъ случаѣ любопытны... Я буду за вами слѣдить...

— Такъ денегъ много? еще разъ переспросила она.

— Много.

— То и любо!..

И какая-то злая, жадная радость тихо проступила на ея до сихъ поръ оживленно красивомъ лицѣ. Она задумалась. Она показалась мнѣ отвратительна. Все, что выдвигало ее—красота, шикъ, признаки несомнѣннаго ума, вызывающая смѣлость признанія—все вдругъ исчезло.

— Столичная цивилизація степи просвѣщать ѣдетъ, закуривая другую папироску и поводя глазами на сосѣдку, пробормоталъ блондинъ.

— А? что такое? переспросила она, какъ бы пробуждаясь.

— Я говорю: столичная цивилизація ѣдетъ степи просвѣщать, кивая ей на нее самое, повторилъ онъ.

Опять шевельнулись очертанія рта, глаза углубились какъ-то, потемнѣли, явилось оскорбительнѣйшее изъ всѣхъ выраженій человѣческаго лица—снисходительно презрительное со смысломъ: молодъ, дескать, не тебѣ, непомя-

тому жизнью, судить и рядить объ этомъ. Начался разговоръ, которому я отроду ничего подобнаго не слыхалъ и не читалъ: она не сказала ни одной сальной, ни одной плоской фразы; это былъ цѣлый рядъ холодныхъ, глубоко развратныхъ мыслей, умно и спокойно подобранныхъ. Собственно говоря, она не оправдывалась, а просто разбирала, въ наставленіе и вразумленіе его, одинъ за другимъ, желудочно-соціальныя вопросы, ясно и ловко выводя свое право на полученіе доли въ „шальныхъ“ деньгахъ.

Противникъ ея былъ убитъ, цѣплялся за выраженія, улыбался, и наконецъ совсѣмъ спутался и замолчалъ. Замолчала и задумалась и она. Смеркалось. Виднѣлась ровная, низкая болотистая мѣстность, становилось сыро, въ открытое окно врывался мокрый воздухъ съ паромъ и дымомъ; виднѣлись усадьбы, низенькія строеньица—избы, должно быть. Я поднялъ окно, плотнѣе забился въ свой уголъ и тоже молчалъ. Мнѣ какъ-то даже страшно стало за будущія жертвы ея. А покосъ ей будетъ, я знаю, хорошій. Такая волчица въ такой непроглядной глуши свободно и долго погуляетъ...

Поѣздъ съ пассажирами приходитъ въ Козловъ только одинъ разъ, въ двѣнадцать часовъ ночи; также и отходитъ одинъ разъ, въ семь съ половиною часовъ утра. И то, и другое время крайне неудобно назначено. Приѣхали мы аккуратно, минута въ минуту. Вокзалъ, очень хорошій и хорошо отдѣланный, былъ ярко освѣщенъ газомъ. Въ залѣ второго и перваго класса былъ накрытъ прекрасно сервированный столъ. Нѣсколько человѣкъ мужчинъ и дамъ, приѣхавшихъ встрѣчать поѣздъ, пили чай, ужинали. Зная, что въ Козловѣ, кромѣ вокзала, негдѣ порядочно пообѣдать или поужинать, я получилъ свой багажъ и спросилъ карточку. Подошла наша натурщица и тоже потребовала ужинъ. Подошелъ, наконецъ, и ея сосѣдь, и

онъ спросилъ карточку; казихъ-то два мѣстныхъ денди въ палевыхъ и розовыхъ галстучкахъ скосились на насъ и перешептывались. Рѣчь шла несомнѣнно объ нашей красавицѣ. Немного погодя, они куда-то убрались, и мы остались въ залѣ втроемъ. Кое-гдѣ потушили газъ; неразобранный багажъ стащили въ кучу. Разныя бюро и конторки заперлись и захлопнулись. Стало тихо. Принесли, наконецъ, нашъ ужинъ.

— Какая здѣсь лучшая гостинница, т. е. чище гдѣ? спросилъ я.

— Къ „Сѣверову“ пожалуйста, чище этой нѣтъ-съ. Тамъ всѣ господа помѣщики останавливаются.

— Ъхали вмѣстѣ, въ одной гостинницѣ и станемъ, предложилъ блондинъ.

Я согласился. Натурщица мнѣ кивнула головой: она все еще была подъ впечатлѣніемъ прошлаго разговора. Какъ-то робокъ былъ и ея противникъ. Вдругъ у подъѣзда послышался трескъ ресорнаго экипажа и, немного погодя, быстро взошелъ въ черномъ цилиндрѣ красивый, высокій, изящно одѣтый господинъ лѣтъ двадцати-трехъ-четырехъ, съ круглой, черной бородкой, съ усами, подошелъ къ столу, вставилъ въ глазъ стеклушко, обвелъ насъ взглядомъ и остановился на натурщицѣ.

— Карточку!

Подали карточку. Явились какія-то личности въ желѣзно-дорожной формѣ, т. е. собственно въ форменныхъ фуражкахъ.

— Поѣздъ во время пришелъ, не опоздалъ? спрашивалъ брюнетъ.—Все благополучно?

Натурщица спросила у лакея, кто это. Ей сказали: инженеръ и назвали фамилію.

— Ростбифъ, портеръ, лафитъ, холодная пулярка, полбутылки шампанскаго, мороженое, персики, заказы-

валь инженеръ, ногтемъ отмѣчая порціи.—А еще никого нѣтъ въ вокзалѣ?

— Никого-съ.

Подѣхалъ еще экипажъ, еще, и, наконецъ, набрался опять народъ, но это все были, очевидно, козловскіе львы; всѣ они были знакомы между собою, всѣ веселые и всѣ такъ и останавливались, какъ обожженные, на нашей спутницѣ. Меня это заняло.

„Ну, кому же разставишь ты сѣти?“ невольно вспомнилось мнѣ. Красавица не обращала ни на кого никакого вниманія. Одинъ только брюнетъ инженеръ удостоился услышать отъ нея „merci“ за пододвинутую солонку. Наконецъ, мы все поѣли, запили ужинъ, кто виномъ, кто чаемъ—надо было ѣхать въ гостинницу. Спрашиваю извозчика—говорятъ, извозчики всѣ ужъ разѣхались. Что тутъ дѣлать? Дама наша такъ и ахнула. Рѣшили: отправится блондинъ и приведетъ когонибудь, если найдетъ гдѣ на улицѣ, а мы пока будемъ ждать. Инженеръ поужиналъ, закурилъ сигару, вынулъ изъ кармана пачку серій, и, посмотрѣвъ число мѣсяцевъ на верхней, отдалъ лакею.

Прошелъ черезъ зало копдукторъ и пронесъ газеты. Въ дверяхъ буфета онъ началъ ихъ считать и передавать кому-то. Я подошелъ, спросилъ продажныя ли, новыя ли, и сталъ отбирать себѣ.

— Могу я знать фамилію этой дамы? слышалось позади меня. Я обернулся, передо мной стоялъ инженеръ.

— Полагаю, что можете, но я не могу сказать вамъ фамиліи ея, я не знаю.

— А знаете, кто она?

— Это знаю. Натурщица.

— Вы художникъ, и она съ вами ѣдетъ?

— И не художникъ, и не со мной ѣдетъ.

— И не съ этимъ блондиномъ?